

Н. С. Бондарь*

Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм

***Аннотация.** В статье на основе анализа тенденций развития отечественного конституционализма и практики конституционного правосудия представлено авторское понимание предмета конституционного права в соотношении его стабильности и динамизма. Вопрос о предметной определенности конституционного права носит вечный характер вследствие фундаментальной, определяющей роли, которую конституционное право играет в системе правового регулирования. В связи с этим обосновывается позиция, согласно которой предметное расширение сферы воздействия конституционно-правовых норм является закономерным следствием новых глобальных угроз праву и необходимости поиска ответов на них в русле системных, межотраслевых решений, лежащих в основе гармонизации базовых ценностей общества — свободы, власти и собственности. Последние и составляют триединую предметную сущность конституционного права и всей системы современного конституционализма. Динамика предметных характеристик конституционного права подтверждает, что это некое «надотраслевое» образование, ядро всей правовой системы. В нормативной взаимосвязи с конституционным правом состоят все отрасли права, каждый отраслевой институт, что подтверждается практикой Конституционного Суда РФ. В связи с этим особое внимание уделяется анализу воздействия конституционного правосудия на развитие предметных характеристик конституционного права, посредством чего обеспечивается конституционализация правовой системы, равно как и практики правоприменения.*

***Ключевые слова:** Конституция, конституционализм, конституционное право, предмет конституционного права, конституционное правосудие, конституционализация, глобальные вызовы праву.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.024-035

© Бондарь Н. С., 2018

* Бондарь Николай Семенович, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ
bond@ksrf.ru
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 1

1. ПРЕДМЕТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА — ВЕЧНАЯ ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Трудно найти другую, более неблагоприятную (но, хочется надеяться, не бесперспективную с точки зрения исследования) проблему, чем анализ предмета конституционного права. Нигде, ни в одной другой правовой системе мира не ломается столько копий по вопросу о предмете конституционного права, как у нас¹. Не касаясь давних дискуссий на эту тему², отмечу, что данный вопрос является важным не в абстрактно-теоретическом, догматическом плане, а исходя из оценки предмета конституционного права сквозь призму практики конституционализма, современных тенденций правового развития, роли конституционного правосудия в этих процессах, включая влияние решений Конституционного Суда РФ на сам предмет конституционного права, тем более что в научной литературе на этот счет имеются различные точки зрения. При поиске ответа на соответствующие вопросы необходимо уяснить, возможно, еще более «простой» вопрос: благодаря чему определенный массив, система норм и институтов «опредмечивается» в качестве именно конституционного права?

Очевидно, что конституционное право не является и не может быть простым порождением самой по себе конституции как основного закона государства. Это характерно для всех правовых систем, хотя при этом важно учитывать конкретно-исторические, национально-специфические условия, напрямую влияющие на формирование конституционного права и его

предметного содержания. В частности, с учетом нашей отечественной истории, в том числе связанной с преодолением этатистского наследия, актуальной была проблема уточнения сферы конституционно-правового регулирования в процессе превращения государственного права в конституционное право, что нельзя сводить к простой смене наименования данной отрасли. Это длительный (продолжающийся и сегодня) процесс конституционализации институтов государственного права на основе их переориентации на признанные ценности современного конституционализма (права человека, разделение властей, правовая социальная государственность, плюралистическая политическая демократия, рыночная экономика и т.п.). Соответственно уточняются акценты как в основополагающих объектах конституционно-правового воздействия, так и в сфере, пределах конституционного регулирования, имея в виду не только новые социально-политические, экономические условия, но и новые правовые реалии, связанные с появлением новых институтов, субинститутов, отраслей права, что в конечном счете является отражением сложных процессов конституционализации, внедрения ценностей конституционализма в самые различные сферы социальной и правовой жизни. В этом плане процессы конституционализации правовой действительности являются сегодня одним из наиболее действенных факторов влияния на предмет конституционного права, в том числе — с точки зрения соотношения в нем стабильности и динамизма, равно как и активной роли конституционного правосудия в этих процессах.

¹ См.: Чиркин В. Е. Об объекте конституционного регулирования // Государство и право. 2005. № 4. С. 5.

² В этом плане можно назвать как работы современного периода (например: Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2014. С. 21—33 ; Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юристъ, 2001), так и те публикации, которые отражали различные концептуальные подходы дискуссий прошлого века (например: Коток В. Ф. Содержание конституционного права // Советское государство и право. 1971. № 2 ; Кравчук С. С. Государственно-правовые отношения в советском социалистическом государстве // Советское государство и право. 1956. № 10 ; Лепешкин А. И. Соотношение советского государственного права и норм Советской Конституции // Советское государство и право. 1971. № 2 ; Лепешкин А. И., Махненко А. Х., Щетинин Б. В. О понятии, предмете и источниках государственного права // Правоведение. 1965. № 1 ; Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967).

Весьма тонким (и точным!) является в этом отношении замечание профессора В. И. Крусса, что «фокус и центр конституционализации находятся в сфере позитивного конституционного (в широком смысле) права и его вторичной — законодательной — формы, а ее необходимыми научными и мировоззренческими предпосылками, с одной стороны, и залогом практического восприятия результатов, с другой стороны, выступают конституционное правопонимание и правосознание»³. Оставив в стороне вопрос о том, какой смысл вкладывает автор в понятие «конституционное право в широком смысле», можно обнаружить, что речь идет именно о тех процессах, которые обеспечивают преобразование отрасли государственного права (как до недавнего времени исключительно властно-публичного права) в конституционное право. При этом едва ли не главные (интегральные по своей сути) показатели утверждения государственного права в качестве конституционного связаны с формированием конституционной культуры в обществе и государстве, с утверждением индивидуального и массового конституционного мировоззрения, в основе чего — безусловное признание национальных ценностей современного конституционализма.

При всем многообразии возможных подходов к пониманию существа и форм конституционализации правовой системы, права в целом нельзя не признать, что важнейшим ее источником, генератором является конституционное правосудие. КС РФ по праву стал символом утверждения в нашей правовой системе демократических институтов нового конституционно-строга в соответствии с основополагающими ценностями современного конституционализма; благодаря конституционно-судебному контролю обеспечивается реализация во всех сферах правовой жизни прямого действия Конституции РФ в режиме ее верховенства, происходит выявление, обоснование и развитие конституционно-правовых начал, в том числе на уровне

отраслевого регулирования, норм материального и процессуального, публичного и частного права. Тем самым конституционное правосудие оказывает существенное влияние на динамику предметного пространства конституционного права.

Вместе с тем эти процессы встречают различные, порой весьма критические научные оценки. Касаются они и деятельности КС РФ, которая якобы создает некую «угрозу» стабильности предмета конституционного права. Пожалуй, одной из крайних является в этом отношении позиция, сводящаяся к пониманию конституционализации как проявления некоего «фетиша Конституции», который состоит «в наполнении, охвате конституционным содержанием практически любых правоотношений»; при этом, не отрицая вклад, который конституционное правосудие вносит в российскую юриспруденцию, утверждается, что «конституционализация правового пространства силами Конституционного Суда РФ... наводит на мысль о всеядности конституционно-правовой науки, безграничности ее предмета»⁴. Конституционализация в данном случае оценивается, по существу, в негативном аспекте — как размывание предмета конституционного права, утрата им отраслевой идентичности, а соответствующая деятельность КС РФ — как экспансия по отношению ко всем другим отраслям права. Выход же из этой ситуации видится в том, чтобы: а) ограничить влияние конституционного правосудия в духе строгого следования классическим представлениям о конституционном праве как регулирующем главным образом властеотношения в соотношении с правами человека; б) следовать традиционному пониманию разделения властей, отвергающему иные, помимо собственно юрисдикционных, функции правосудия.

Очевидно, что дискуссия по этим вопросам предполагает необходимость обращения к природе как самого органа конституционного правосудия, так и его решений. Для темы насто-

³ См.: Крусс В. И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 3.

⁴ Выдрин И. В. Конституционный Суд Российской Федерации и конституционализация юридической науки // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7.

ящей статьи эти вопросы, однако, носят «попутный» характер; к тому же ранее по ним уже приходилось высказать авторские соображения⁵. При этом нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что активное (нормативно-доктринальное) влияние конституционного правосудия на Конституцию, конституционное право и на всю правовую жизнь общества получает все более широкое признание. Конституционное правосудие стало важным фактором развития всей системы современной конституционной юриспруденции; именно «через конституционный контроль конституция как правовой акт превращается... в юриспруденциальную или «живую» конституцию»⁶. При этом понятно, что возможности конституционного правосудия, связанные с развитием, расширением предметных характеристик конституционного права, определяются не только собственным потенциалом конституционно-судебного нормоконтроля, но прежде всего содержательными изменениями самих отношений, попадающих в орбиту конституционного правосудия и определяющих необходимость адекватного реагирования.

2. ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Вопрос о роли конституционного права и его облике в современном мире, а стало быть, и о предмете как основополагающей характеристике любой отрасли права неразрывно связан с анализом и оценкой стоящих перед национальной правовой системой в целом и конституционным правом в частности вызовов.

Среди них, пожалуй, базовой, имеющей фундаментальный характер для правовой цивилизации является *проблема обеспечения верховенства права на основе равенства всех перед законом*. Существуют разные подходы к пониманию этих требований, их норматив-

ному закреплению, в том числе в соотношении права и закона. В данном случае речь идет прежде всего о фактическом, содержательном раскрытии этих принципов в системе правовых отношений, что предполагает признание высшей роли права как социального регулятора, служащего нормативным выражением равной для всех меры свободы. В конституционной логике требования верховенства права и равенства всех перед законом являются взаимодополняющими, поскольку оба принципа служат соответственно институционной и формально-нормативной основой обеспечения свободы человека и гарантирования демократических начал публичной власти; поэтому главной обязанностью государства, отмечается в одном из решений КС РФ, является «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина на основе принципов верховенства права и правовой демократии» (постановление от 24 октября 2013 г. № 22-П). Одновременно в практике КС РФ подчеркивались различные содержательные характеристики верховенства, из которых, в частности, вытекают принципы равенства и справедливости (постановление от 24 марта 2017 г. № 9-П). В силу понимания верховенства права как фундамента правовой демократической государственности России Конституция, согласно правовой позиции КС РФ, отводит судебной власти особое место в системе разделения властей (определение от 31 марта 2016 г. № 449-О-Р); судебная защита является важнейшим институтом гарантирования прав, свобод и законных интересов личности и одновременно содержательной характеристикой конституционного правопорядка, основанного на верховенстве права (определение от 10 февраля 2016 г. № 215-О).

Процессы глобализации, сопровождаемые нарастанием территориальных диспропорций производства и потребления, миграционные кризисы, издержки национальных подходов

⁵ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2015.

⁶ Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3—6 июня 2008 г.) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2—3. С. 111.

к соотношению централизации и децентрализации — эти и иные подобные факторы провоцируют усиление социального расслоения населения, умножение не всегда просчитанных распределительных мер и, соответственно, порождают кризис неравенства, способный деформировать саму природу, сущностные характеристики права как равной меры свободы. В этом плане важно учитывать, что верховенство права с необходимостью предполагает прямое действие, верховенство Конституции, с которой должны быть соотнесены законодательная, правоприменительная, правореализационная практики, что предполагает необходимость последовательного учета социального контекста. С этим связан еще один вызов, стоящий перед современным конституционным правом и активно влияющий на его предметные характеристики.

Речь идет о проблеме *адекватного учета социокультурных начал в природе конституционного права, преодоления разрыва между формально-юридическими и нравственно-этическими началами конституционализма*. Сегодня для всех очевидным становится то обстоятельство, что общегуманистический настрой на партнерство цивилизаций, обнадеживший многих в период после окончания так называемой холодной войны, сменился по многим причинам ориентацией на противостояние цивилизаций. И можно лишь сожалеть, что праву, в том числе конституционному, нередко пытаются придать значение одного из инструментов влияния на суверенную национальную государственность, используя в этих целях в том числе некие неолиберальные «конституционные» ценности сексуальных свобод, равенства однополых браков и т.п. При этом речь идет о новом витке политизации и идеологизации конституционного права, когда в качестве якобы общих стандартов, универсальных принципов выдвигаются представления о ценностях одной конкретной политико-правовой цивилизации.

С этим в значительной степени связан и такой вызов для современного конституционного права, как *деформации, регрессивные тенденции на уровне устоявшихся общепризнанных принципов и ценностей международного правопорядка, являющихся в конечном итоге проекцией на-*

чал современного конституционализма. Здесь надо обозначить нарастающие противоречия между национальными и наднациональными правовыми регуляторами, включая конфликтные столкновения соответствующих юрисдикционно-контрольных механизмов, что не может не влиять на предметную сферу современного конституционно-правового регулирования.

Принципиально важно с конституционно-правовых позиций оценить происходящие процессы правовой глобализации, с одной стороны, и углубление тенденций, связанных с национальной, социокультурной, региональной суверенизацией, религиозной идентификацией, — с другой. В этом плане вполне оправданным является выделение — наряду с экономической, политической, иными формами глобализационных процессов — еще и их нормативно-правовой формы. Правовая глобализация отражает современную динамику качественных характеристик нормативно-правовой интернационализации социальной действительности; в центре ее внимания — не только нарастание общего, универсального в нормативно-правовых стандартах современной цивилизации, но и обострение противоречий между неправовыми, социокультурными нормативами социальной действительности, попадающей в сферу конституционного регулирования. Нельзя, правда, не признать, что *глобализация является отражением тенденций юридизации, усиления правового нормирования основных сфер социальной действительности*. Но причины этих процессов — не только в позитивных процессах интернационализации конституционно-правовой жизни; другая сторона связана с реакцией на возникновение в XXI в. новых глобальных угроз человечеству в виде международного терроризма, природных и техногенных катастроф, экологического и энергетического кризисов и т.д., что также имеет ярко выраженное конституционное значение и, соответственно, влияет на предметные характеристики конституционного права.

При этом надо учитывать, что процессы правовой глобализации сводятся не только к сближению, взаимопроникновению, но и к конкуренции, соперничеству ведущих правовых систем современности; при этом тенденциям к унифи-

кации нормативно-правовой жизни современной цивилизации противостоят процессы конституционно-правовой суверенизации, усиливающиеся в последнее время, в том числе в системе западноевропейских демократий, осознание необходимости защиты суверенных прав, учета, сохранения социокультурных особенностей национально-государственных конституционных систем, функционирующих в тесном взаимодействии с международно-правовыми институтами. Все эти процессы объективно нуждаются в конституционных оценках на уровне национальных государственно-правовых систем, хотя в то же время нельзя не учитывать, что они естественным образом — не только в силу глобальных последствий, но и по самой своей природе — выходят далеко за пределы собственно национальных конституционно-правовых систем.

Глобальные вызовы предполагают необходимость поиска системных и комплексных решений, которые по своей сути не могут сводиться к использованию средств сугубо отраслевого характера; они выходят на уровень соотношения, а порой и жесткого противостояния фундаментальных конституционных ценностей, власти, свободы, собственности, государственного суверенитета; они пронизывают не только конституционное, но и все отраслевое регулирование, раскрываются, получают реализационное и обеспечительное выражение в системе действующих и вновь формирующихся норм, институтов текущего отраслевого законодательства с увеличением в нем концентрации конституционно-правовых начал.

3. СУЩНОСТНЫЕ НАЧАЛА ПРЕДМЕТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: ВНЕОТРАСЛЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК ЯДРА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Решение соответствующих проблем следует вести, очевидно, с учетом активного использования потенциала конституционного права, его

места и ценностного назначения в российской правовой системе. Вряд ли удовлетворяет новым условиям, новой природе и назначению конституционного права его традиционная характеристика лишь в качестве одной из отраслей права, пусть даже ведущей. В конечном счете это предполагает, что конституционное право «соседствует» со всеми другими отраслями права на одном уровне, а их предметное разграничение должно проходить исключительно по «горизонтали», т.е. в зависимости от сферы общественных отношений и безотносительно к иным, качественным характеристикам этих отношений.

Назначение конституционного права заключается как раз в том, что это не просто одна из отраслей права (пусть даже ведущая), а ядро всей правовой системы и, соответственно, каждой отрасли в отдельности. Причем речь не идет о противопоставлении характеристик конституционного права как отрасли и как ядра правовой системы. Отраслевая характеристика конституционного права бесспорна. Но в качестве особой отрасли оно выполняет ценностно-функциональное назначение ядра правовой системы. Поэтому не лишен оснований подход, согласно которому совокупный предмет всех отраслей правовой системы во многом может рассматриваться как предмет в том числе и конституционно-правового регулирования, иными словами, предмет конституционного права и предметная сфера всех других отраслей могут рассматриваться как принципиально совпадающие в том смысле, что конституционное право имеет не только собственную, исключительную сферу правового регулирования («малое конституционное ядро»), но и предметную сферу совместного с другими отраслями регулирования («большое конституционное ядро»)⁷.

Из этого вытекают некоторые принципиальные особенности конституционного права как ядра правовой системы, связанные в том числе с новыми тенденциями развития данной отрасли права.

⁷ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. С. 214.

С учетом близкого к этому подхода профессор А. Н. Кокотов справедливо выделяет два понятия конституционного права: а) конституционное право как «общая часть российского права» и б) конституционное

Во-первых, объектные характеристики конституционного регулирования в современных условиях необходимо искать не в сфере организации и осуществления государственной власти, а на путях поиска баланса в соотношении, взаимовлиянии таких основополагающих ценностей нашей цивилизации, как власть, свобода, собственность. Сама природа конституционного права такова, что благодаря повышенной концентрации ценностной нормативности и, соответственно, способности быть общеобязательным мерилем свободы не только для отдельных индивидов, но для всех социальных субъектов, включая само общество и его государство, конституционное право способно выражать согласованную волю различных социальных групп общества, устанавливать, поддерживать, охранять и защищать определенный баланс между основополагающими ценностями и интересами.

В конечном счете это означает, что в качестве ядра правовой системы конституционное право призвано выполнять назначение: а) нормативного средства закрепления, охраны и обеспечения баланса фундаментальных социальных ценностей власти, собственности, свободы; б) нормативно-правового механизма разрешения социальных и политических конфликтов и противоречий (между властью и свободой, политической властью и собственностью и т.п.), в которых проявляются в конечном счете существенные начала предмета конституционного регулирования и Конституции как Основного закона общества и государства; в) основополагающего системообразующего начала государственно-правовой действительности и всей правовой

системы, высшего регулятора государственной и общественной жизни, политического, экономического, социального развития.

Во-вторых, ценностные характеристики конституционного права как ядра правовой системы проявляются в том, что оно по своей природе сочетает в себе элементы частного и публичного права⁸ и является для каждого из них базовым, т.е. конституционное право — отрасль публично-частного права. В современном мире главным является поиск баланса, оптимального соотношения между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями — с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти (на характеристике власти как суверенной делаю акцент) и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, присутствует в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции. В этом смысле нахождение в рамках конституционного права баланса между частным и публичным началом в организации правовой системы, между властью и свободой составляет главное содержание теории и практики современного конституционализма⁹. Примечательно, что такое понимание природы конституционного права как частно-публичной отрасли имеет свое формально-юридическое подтверждение в практике КС РФ, который неоднократно указывал на сложный публично-частный характер применительно, например, к институту избирательных прав¹⁰, права социального обеспечения¹¹, права

право как «обычная отрасль» (см.: Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. Н. Кукушкин. 4-е изд. М., Норма, 2010. С. 15—25 ; Кокотов А. Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Правоведение. 1998. № 1).

⁸ См.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юрист, 2001. С. 44.

⁹ См.: Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М. : Юстицинформ, 2005.

¹⁰ См.: постановление КС РФ от 29 ноября 2004 г. № 17-П // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4948.

Соответствующую позицию см. также: постановление КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292 ; постановление КС РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5622 ; постановление КС РФ от 16 декабря 2014 г. № 33-П // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7785.

¹¹ См.: постановление КС РФ от 25 декабря 2007 г. № 14-П // СЗ РФ. 2007. № 53. Ст. 6674 ; определение КС РФ от 6 марта 2008 г. № 430-О-О.

на судебную защиту¹². В соответствии с таким (комплексным) пониманием природы конституционного права в практике конституционного правосудия выстраивается и конституционное обоснование различных отраслевых юридических институтов. Ярким тому подтверждением может служить правовая позиция КС РФ, согласно которой были обоснованы конституционные основы сочетания публичных и частных начал в институте исчерпания исключительного права на товарный знак применительно к так называемому параллельному импорту¹³.

В-третьих, ценностное значение конституционного права, рассматриваемого в качестве ядра правовой системы, находит свое проявление в изменении предметных характеристик конституционного права. Причем это выражается не только в расширении предмета конституционного регулирования, но и в оптимизации традиционных сфер конституционно-правового воздействия, особенно тех отношений, которые являются одновременно предметом регулирования и других отраслей права. Эти последние отношения являются как бы периферийным предметом конституционного права как ядра правовой системы. В этом смысле предмет конституционного права имеет динамическое, исторически развивающееся содержание, что в полной мере соответствует его характеру как ведущей юридической отрасли и позволяет государству эффективно реагировать на изменяющуюся общественную практику во всех сферах жизни. В данном случае, в особенности имея в виду социально-экономические отношения, с помощью конституционных принципов, начал реализуется межотраслевое правовое регулирование, что, в свою очередь, естественным образом порождает проблему разделения «сфер влияния» между соответствующими отраслями,

и, стало быть, возникает вопрос о пределах конституционно-правового воздействия на такие сферы отношений. В этом наиболее отчетливо отражается важная линия изменений предметных характеристик конституционного права, связанная с необходимостью его более последовательного «размежевания» с другими отраслями.

В-четвертых, ценностные аспекты конституционного права, динамизм его предмета как ядра правовой системы могут раскрываться и через специфический состав его источников, который тоже является подвижным, развивается и обогащается, в том числе за счет практики конституционного правосудия. Это выражается, в частности: а) во внедрении в систему конституционного права решений КС РФ как особого вида источников права, имеющих специфический нормативно-доктринальный характер¹⁴; б) в активном влиянии конституционного правосудия на процесс постепенного проникновения в российскую правовую систему начал прецедентного права, которые имеют своим адресатом арбитражную и в меньшей степени общеюрисдикционную судебные системы. Наиболее значимо в этом плане постановление КС РФ от 21 января 2010 г. № 1-П, которым практически был дан зеленый свет прецедентным источникам права в условиях нашей правовой системы; при этом в постановлении от 17 октября 2017 г. № 24-П КС РФ уточнил применительно к новым условиям пределы применения своих правовых позиций, имея в виду, что прецедентные начала, свойственные решениям Верховного Суда РФ, не могут автоматически распространяться на характеристики его коллегий; в) во внедрении через конституционно-судебную практику в российскую правовую систему таких актов прецедентного характера, как решения Европейского Суда по правам человека, что имело решающее

¹² См.: определение КС РФ от 12 мая 2005 г. № 244-О // СЗ РФ. 2005. № 32. Ст. 3396; определение КС РФ от 20 октября 2005 г. № 513-О // ВКС РФ. 2006. № 2; определение КС РФ от 24 января 2006 г. № 3-О // ВКС РФ. 2006. № 4.

¹³ См.: постановление КС РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1435.

¹⁴ См.: постановление КС РФ от 18 июля 2008 г. № 10-П // СЗ РФ. 2008. № 1. Ст. 3763; постановление КС РФ от 22 июня 2009 г. № 10-П // СЗ РФ. 2009. № 27. Ст. 3383; определение КС РФ от 6 марта 2008 г. № 214-О-П // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2092; определение КС РФ от 1 апреля 2008 г. № 194-О-П // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 2093.

значение в их утверждении в качестве особых источников права, обладающих наднационально-прецедентным характером; г) в активном проникновении в судебную практику норм международного права и, соответственно, их утверждении в качестве составной части правовой системы РФ, как это предусмотрено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Показательно в этом плане, что в одном из решений Конституционный Суд РФ прямо указал на то, что международный правовой акт, хотя бы и не ратифицированный, но подписанный Российской Федерацией, может быть признан существенным элементом правового регулирования соответствующих общественных отношений в пределах территории Российской Федерации¹⁵.

Особое место в системе источников конституционного права занимает Конституция РФ, которая имеет свою собственную не только содержательную, но и имманентно-юридическую ценность. Ценностный потенциал Конституции находит активное подтверждение в практике КС РФ.

4. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КАК ИНСТИТУТ ГАРАНТИРОВАНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ (МОДЕРНИЗАЦИИ) ПРЕДМЕТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Раскрывая понимание конституционного правосудия как института гарантирования стабильности и развития предмета конституционного права, следует прежде всего исходить из того, что стабильность предмета конституционного права не противостоит его динамике, а, напротив, определяется его динамизмом, обусловлен им. Нужно учитывать, что сам по себе предметный динамизм конституционного права должен связываться прежде всего с его духом, принципами, ценностями, другими основополагающими конституционными началами, их воплощением в правовой и социальной действительности. Одновременно это предполагает способность

конституционного права быть восприимчивым к конкретно-историческим, социокультурным условиям. Гарантом соотношения стабильности и динамизма предмета конституционного права конституционное правосудие является, поскольку обладает государственно-властными полномочиями особого характера, позволяющими принимать решения, имеющие общеобязательный характер и нередко обладающие нормативностью, что имеет принципиальное значение, в том числе для определения основных направлений модернизационных процессов.

Причем здесь идет речь не только о так называемом негативном правотворчестве, когда Конституционный Суд признает неконституционным определенное положение нормативного акта; нередко Суд выступает и «позитивным законодателем», формулируя правовые позиции нормативного характера, имеющие повышенную юридическую силу. Но и в первом, и во втором случаях *Конституционный Суд осуществляет* в конечном счете в рамках установленных конституционных процедур *функцию по разработке и модификации конституционно-правовой доктрины модернизации государственности*, в частности путем урегулирования и снятия противоречий и конфликтов в социальной и правовой действительности. Такая функциональная направленность Конституционного Суда РФ как органа конституционного правосудия связана с объективными характеристиками самой Конституции, которая «покрывает собой» все разнообразие отношений, регулируемых правом, и представляет критерии верификации конституционности любого правового регулирования, она выступает как мерило «правности» всего права¹⁶.

При этом предназначение конституционного правосудия как инструмента модернизации государства не замыкается пределами создания условий для снятия социальных противоречий и кризисов, в результате чего обеспечивается необходимый для осуществления преобразований уровень стабильности общественных отношений. Роль конституционного правосудия

¹⁵ См.: определение КС РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-П // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

¹⁶ См.: Курис Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов // Сравнительное конституционное право. 2004. № 3. С. 101.

непосредственным образом выходит также на уровень собственно развития российской государственности. Это обуславливается тем обстоятельством, что *сама по себе модернизация государственности есть не что иное, как процесс ее конституционализации*, в рамках которого представляется возможным выделить институциональную конституционализацию — создание рациональной организационно-правовой основы публичной власти в соответствии с требованиями разделения властей, федерализма, обеспечения самостоятельности местного самоуправления; функциональную конституционализацию, предполагающую ориентацию на обеспечение возможностей выполнения публичной властью «общих дел». Важнейшим направлением модернизации государства посредством его конституционализации является в этом плане социализация государства, формирование социально ориентированной рыночной экономики.

Поскольку же по своей природе правовые позиции КС РФ направлены, с одной стороны, на конкретизацию сконцентрированного в конституционных нормах и институтах правового содержания, а с другой — на выявление конституционно-правового смысла норм текущего законодательства и, следовательно, на раскрытие воплощенных в соответствующих нормативных положениях конституционных ценностей и целей развития российского государства и общества, они закономерно выступают в качестве *императивных требований реализации конституционной программы преобразования, модернизации социальной действительности*.

В результате КС РФ как орган конституционного правосудия обеспечивает последовательную гармонизацию буквы и духа Конституции, приведение ее формально-юридического нормативного содержания — независимо от времени и политических условий ее принятия — в соответствие с реальными отношениями политического властвования, социальной и экономической организацией общества и государства. Тем самым *охрана Конституции, ее стабильность поддерживаются в органическом сочетании с динамизмом конституционной системы*.

Роль конституционного правосудия как фактора развития, преобразования конституции

особенно важна, во-первых, для стран, имеющих «жесткие» основные законы, когда конституционные поправки и изменения могут быть внесены в усложненном порядке (что имеет место в том числе в России). Во-вторых, значение динамической функции конституционного контроля существенно повышается в периоды активных социально-политических преобразований, в особенности в современных условиях всеобщей глобализации.

Это нашло свое практическое воплощение в конкретных направлениях деятельности КС РФ и, соответственно, в его решениях, отражающих правовые позиции Суда по всему спектру проблем организации и функционирования публичной власти, формирования и развития рыночной экономики, обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Весьма показательно влияние конституционного правосудия на предметную сферу конституционного права применительно к сфере экономических отношений, формирования так называемого экономического конституционализма. Очевидно, что в современных условиях ключевое значение приобретает проблема поиска оптимального сочетания публичных и частных начал как в правовом регулировании финансово-экономических отношений, так и в общей системе конституционализма в целом. Речь идет о недопустимости недооценки взаимодействия частного и публичного права в регулировании экономических отношений и одновременно — о необходимости видеть не только публичные, но и частноправовые начала в системе конституционно-правового регулирования. А это, в свою очередь, предполагает необходимость проникновения в материальную природу общественных отношений, составляющих предмет такого регулирования, равно как и необходимость учета особенностей тонкого правового инструментария, касающегося различий в методах частного и публичного правового воздействия на одну и ту же сферу отношений.

В заключение остается с сожалением отметить, что в настоящей статье удалось затронуть лишь отдельные вопросы этой достаточно широкой, имеющей комплексный, межотраслевой характер, проблемы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : учеб. пособие : в 2 т. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2014. — 508 с.
2. Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации.— М. : Юстицинформ, 2005. — 592 с.
3. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. — 2-е изд., перераб. — М. : Норма: Инфра-М, 2015. — 528 с.
4. Выдрин И. В. Конституционный Суд Российской Федерации и конституционализация юридической науки // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 7. — С. 7—11.
5. Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3—6 июня 2008 г.) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. — Ереван, 2008. — Вып. 2—3.
6. Кокотов А. Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Правоведение. — 1998. — № 1. — С. 15—22.
7. Коток В. Ф. Содержание конституционного права // Советское государство и право. — 1971. — № 2.
8. Кравчук С. С. Государственно-правовые отношения в советском социалистическом государстве // Советское государство и право. — 1956. — № 10.
9. Крусс В. И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 4. — С. 2—11.
10. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М. : Юристъ, 2001. — 444 с.
11. Лепешкин А. И. Соотношение советского государственного права и норм Советской Конституции // Советское государство и право. — 1971. — № 2.
12. Лепешкин А. И., Махненко А. Х., Щетинин Б. В. О понятии, предмете и источниках государственного права // Правоведение. — 1965. — № 1.
13. Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. — Саратов, 1967.
14. Чиркин В. Е. Об объекте конституционного регулирования // Государство и право. — 2005. — № 4. — С. 5—8.

Материал поступил в редакцию 21 июня 2018 г.

THE CONSTITUTIONAL LAW SUBJECT MATTER IN THE CONTEXT OF THE PRACTICE OF CONSTITUTIONAL JUSTICE: STABILITY AND DYNAMISM

BONDAR Nikolay Semenovich, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scholar of the Russian Federation
bond@ksrf.ru
190000, Russia, St. Petersburg, Senatskaya pl., d. 1

Abstract. *The article, based on the analysis of trends in the development of domestic constitutionalism and the jurisprudence of constitutional justice, provides for the author's understanding of the constitutional law subject matter in relation to its stability and dynamism. The issue of substantive definiteness of constitutional law is eternal in nature due to the fundamental, decisive role that constitutional law plays in the system of legal regulation. In this regard, the author substantiates an approach under which the substantive extension of the scope of constitutional legal norms is a natural consequence of new global threats to law and the need to find responses to them within the framework of systemic, intersectoral decisions that underlie harmonization of basic values of the society, namely,*

freedom, authority and property . The latter constitute a triune substantive essence of constitutional law and the whole system of modern constitutionalism.

The dynamics of subject matter characteristics of constitutional law confirms that this represents a kind of “supra-branch” formation, the core of the entire legal system. Constitutional law possesses regulatory relations with all branches of law, every sector within the branch, which is evidenced by the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. In this regard, special attention is paid to the analysis of the impact of constitutional justice on the development of the subject matter characteristics of constitutional law, whereby constitutionalization of the legal system, as well as the practice of law enforcement, is ensured.

Keywords: *Constitution, constitutionalism, constitutional law, subject matter of constitutional law, constitutional justice, constitutionalization, global challenges to law.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avak'yan S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii : ucheb. kurs : ucheb. posobie : v 2 t. — 5-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma, 2014. — 508 s.
2. Bondar' N. S. Vlast' i svoboda na vesakh konstitutsionnogo pravosudiva: zashhita prav cheloveka Konstitutsionnym Sudom Rossiyskoy Federatsii.— M. : Yustitsinform, 2005. — 592 s.
3. Bondar' N. S. Sudebnyy konstitutsionalizm: doktrina i praktika. — 2-e izd., pererab. — M. : Norma: Infra-M, 2015. — 528 s.
4. Vydrin I. V. Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii i konstitutsionalizatsiya yuridicheskoy nauki // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2015. — № 7. — S. 7—11.
5. General'niy doklad XIV Kongressa Konferentsii evropeyskikh konstitutsionnykh sudov (Vil'nyus, 3—6 iyunya 2008 g.) // Konstitutsionnoe pravosudie. Vestnik Konferentsii organov konstitutsionnogo kontrolya stran molodoy demokratii. — Erevan, 2008. — Vyp. 2—3.
6. Kokotov A. N. Konstitutsionnoe pravo v rossiyskom prave: ponyatie, naznachenie i struktura // Pravovedenie. — 1998. — № 1. — S. 15—22.
7. Kotok V. F. Soderzhanie konstitutsionnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1971. — № 2.
8. Kravchuk S. S. Gosudarstvenno-pravovye otnosheniya v sovetskom sotsialisticheskom gosudarstve // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1956. — № 10.
9. Kruss V. I. Doktrinal'nye innovatsii v kontekste konstitutsionalizatsii rossiyskoy pravovoy sistemy // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2013. — № 4. — S. 2—11.
10. Kutafin O. E. Predmet konstitutsionnogo prava. — M. : Yurist", 2001. — 444 s.
11. Lepeshkin A. I. Sootnoshenie sovetskogo gosudarstvennogo prava i norm Sovetskoy Konstitutsii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1971. — № 2.
12. Lepeshkin A. I., Makhnenko A. Kh., Shhetinin B. V. O ponyatii, predmete i istochnikakh gosudarstvennogo prava // Pravovedenie. — 1965. — № 1.
13. Farber I. E., Rzhnevskiy V. A. Voprosy teorii sovetskogo konstitutsionnogo prava. — Saratov, 1967.
14. Chirkin V. E. Ob ob'ekte konstitutsionnogo regulirovaniya // Gosudarstvo i pravo. — 2005. — № 4. — S. 5—8.